

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ" ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ "ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..." ИНДЕКС: 26260. ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Ф О Р У М

Такого ещё на нашем телевидении не случилось за все годы перестройки.

Урезули при повторе высказывания Алексея Пушкова в его передаче "Постскриптум" о непростой и русофобских текстах некоего телевизионного журналиста из спортивного телеканала МАТЧ.ТВ Андропова, затем, когда на ту же тему воистинствующей русофобии снял свой 38 выпуск "Бесогона" знаменитый Никита Михалков, и его "Бесогона" запретили к показу на федеральном канале "Россия-24".

ВГТРК поспешило объясниться: "Последний выпуск программы "Бесогона" действительно, не вышел в эфир. Он не был показан по этическим причинам... В эфире каналов холдинга не допускаются появления материалов, которые наши коллеги по телевизионному цеху могут расценить как недружественные и тем более - оскорбительные."

По опыту 1990-х российских телевидения знает, как возникают и к чему приводят "эфирные войны"! Нелепое и смехотворное оправдание. Телезрителям дела нет до эфирных войн, да и нет этих войн в теме "Бесогона". Речь зашла о праве русского народа на саму русскость.

Я не собираюсь защищать ни Никиту Михалкова, ни Алексея Пушкова, они сами способны защитить кого угодно, не собираюсь обсуждать сложные отношения между телевизионными каналами, миллионными телезрителей до них дела нет, говорю только о сути этого запрещенного выпуска.

Никита Михалков сказал, что ему и его коллегам казалось: "то, что нас волнует, то, о чем мы говорим, волнует не только нас". По мнению режиссера, темы выпуска "затрагивают миллионы людей, это темы, на которые люди хотят разговаривать, о которых они хотят думать, которые им интересны и важны".

Михалков в своё время получил за-

верение в том, что выбор тем всегда будет за ним самим как за автором программы. "Почему же канал запретил нашу передачу? - размышляет режиссер. - Вот именно это я и хотел бы выяснить вместе с вами, дорогие зрители. Подумайте вместе со мной - а почему?! Что в этой передаче такого, что нельзя показывать вам - огромному числу российских телезрителей, тем, кто приходил к экрану, когда шла

В чём же дело? Некий мелкий тележурналист Алексей Андронов заявил: "Люди имеют право слышать разные точки зрения, а не одну госпропаганду фашиствующих Киселевых и Мамонтовых"; или о коллегах с федерального ТВ: "И вообще канал Россия пора переименовывать. Просто стыдно, что он порочит имя страны". Может, и надо переименовывать, но скорее потому, что защищать

временное существование. "Русские, где они? Нет уже давным-давно. Это уже доказанный факт. Российский этнос такой же многонациональный, как и американский". Под вопросом уже само существование русского народа. Их просто - нету?!

Впрочем, и Михаил Швыдкой давно уже утверждал, что "русский фашизм страшнее немецкого", только он сам почему-то жив ещё до сих пор, нет на

Никите Михалкову. Объяснить запрет телепередачи некими конъюнктурными причинами, чиновными склоками абсолютно нелепо. Просто в этих передачах вдруг стали озвучены важнейшие для сознания русского человека мысли.

Если бы слова русофоба Андропова, работающего на федеральном телеканале, звучали, скажем, так: "Вся швандеровщина, мерзость, нечисть, любители Еврейского мира, и прочие клошары отсюда вычищены. Жрите своё дерьмо в другом месте" - какова была бы реакция властей? Почему же большинство наших наций и народностей (грузины, евреи, татары...) заставляют уважать себя, и правильно делают, а русский народ вправе каждый

От вырезанного при повторе "Постскриптума" Пушкова Михалков переходит к скандальной передаче Матвея Ганопольского по "Радио Вести" с его "посыланием в жопу" всех защитников Донбасса.

ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ СЕБЕ ПОЗВОЛЯЮТ ТАКИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ? Но более всего меня поражает, почему практически все наши телеканалы, от ВГТРК до ТВЦ и МАТЧ.Ру, вырезают все протесты в защиту русского народа? Чего испугались наши власти?

Лично оскорблённый этим запретом знаменитый кинорежиссёр по-настоящему возмущен и выставил свой выпуск в свободный интернет.

И мы слышим, как Ирина Прохорова объявляет Крым "кучей камней, никому не нужных", как тот же Ганопольский призывает "Крым отдать Америке, и пусть они там строят свои военные базы".

Так называемые либералы и впрямь переходят все границы дозволенного, и дело не в отношении к президенту, к властям, дело в отношении к России как таковой, к русскому народу как таковому.

Друзья, вы слышите, вас всех НЕТ: нет русской нации, нет русской культуры, нет никакой русской идеи.

Я рад, что даже таких наших высокопоставленных граждан, как дипломата и депутата Алексея Пушкова и режиссёра Никиту Михалкова, это, наконец, достало!

Но когда эту правду услышит наш президент? Не будет ли поздно? И как по сравнению с этой главной правдой неуклюжи мелкие оправдания чиновников, что, мол, мы не хотели вести эфирные войны, что всё дело в амбициях барствовавшего режиссёра...

Может, и есть "барство", может, и есть сложные отношения с телеканалами, но главная-то правда "Бесогона" о другом - о России как таковой и русском народе, который нельзя унизить!

Владимир БОНДАРЕНКО

наша передача. Я очень надеюсь на то, что мы этот вопрос с вами каким-нибудь образом обсудим".

Посмотрел и я этот запрещённый "Бесогона", и поразился михалковской смелости. Или и впрямь уже даже там наверху всех русских достало постоянное самоунижение? Ведь ни депутат, дипломат и телеведущий Алексей Пушков, ни Никита Михалков никогда не были крутыми русскими патриотами, а тем более националистами. Это же не Баркашов, не Дим Димыч Васильев, ни даже Станислав Куняев.

И вдруг даже их, видных представителей русской национальной элиты прорвало, и вдруг и им за проявленную русскость показали на телевизионную дверь либеральные властители дум.

В понедельник, 14 декабря, стало известно, что руководство телеканала "Россия-24" запретило показывать 38-й выпуск его программы.

"Сотрудничество с каналом может быть продолжено при одном условии - трансляция в эфир запрещённого ранее выпуска. В противном случае я буду готов рассматривать альтернативные предложения от СМИ. Но для меня самое главное - интерес зрителей к программе. Уверен, мы найдём возможность обсуждать волнующие нас темы как минимум в интернете", - заявил оскорблённый кинорежиссёр.

честь России канал не собирается, судя по запрету "Бесогона".

Футбольный телекомментатор, сотрудник телеканала "Матч ТВ" Алексей Андронов назвал разгневанных пользователей "нечистью и мерзостью", и чётко объяснил в своем Твиттере, что "...Вся швандеровщина, мерзость, нечисть, любители Новороссии, Русский мир, и прочие клошары отсюда вычищены. Жрите своё дерьмо в другом месте"...

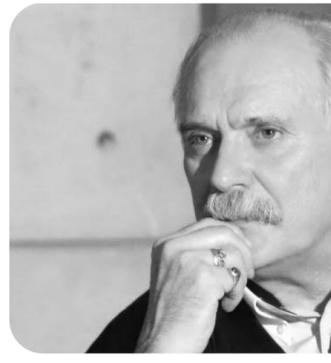
В начале 38 выпуска Никита Михалков демонстрирует отрывок из телепередачи "Постскриптум" Алексея Пушкова, где один из наших умных и знающих телеведущих обратил внимание на нашу отечественную русофобию, звучащую по телевидению, приводя в пример спортивного телекомментатора Алексея Андропова, открыто оскорбившего весь русский народ от мала до велика.

Не слишком ли мы терпеливы к подобным выходкам?

После справедливой реакции на высказывания телеведущего в адрес России уже руководитель канала "МАТЧ ТВ" Тина Канделаки кинулась на его защиту. Человек из её канала повёл себя непристойно, его бы выгнать по-тихому и забыть.

Но вспомним, что и сама Тина Канделаки о русском народе такого же мнения. Она вообще отрицает его со-

него ни Дахау, ни Майданека. И всё так же ведёт телепередачу. Подобно Тине Канделаки и другим нашим властным телевизионным русофобам.

Но американской национальности нет, ей ещё предстоит выработаться. А разве не было и нет русской нации, русской истории, русской культуры? Наконец-то и сам наш великий режиссёр взялся за этот русский вопрос.

Но как в своё время отстранили от телеэфира чересур русского Солженицына, так же указали своё место и

Надо добавить, что ведёт такого рода "расследования" Никита Михалков крайне деликатно, не обижая никакой из телеканалов.

Да и поднимает вопрос скорее о "дозированной свободе", а не о русском вопросе, оговариваясь, что он не приемлет взгляды всех мракобесов и ксенофобов.

на родной "Кутузковке" у двери моего подъезда, Серж вручает мне несколько ресторанных салфеток - на них - карандашные строчки. Этим салфеткам, магазинных чехов и квитанций у меня скопилось потом целая куча, но - всё как всегда куда-то исчезало, подматывалось, выгребалось, значения им не придавалось... Помяну вот - "Шли конвойцы вчетвером, бравые молодчики. А в такси мосье Харон ставил ноль на счётчике". Или - "Люди у метро Охотный Ряд не по-русски вроде говорят"... Или - "проживая на Куусинена, лошади едят овес и сено"...

Я, шатаюсь, целую Сержа, как-то добираюсь до своей квартиры, мама, грустно вздыхая, помогает мне раздеться - я падаю в постель, и всё улпывает куда-то, угасающее сознание стыдит меня: опять напился, свинья, - а ведь сегодня вечером должен быть в храме! А ведь завтра Пасха! Благодаря Пасхе я хорошо запомил дату! Это было 17-го апреля 1960 года.

Через пять часов мы встречаемся в уже родном кафе "быстро" как ни в чём не бывало. И

На волне воспоминаний

<...> Для нас [талантливых профессионалов, - ред.] были созданы так называемые творческие Союзы - Союз писателей, Союз художников, Союз композиторов, и т.д. Этим Союзам выделялись большие деньги, и для членов этих Союзов строились роскошные Дома творчества, некие оазисы, где членам было сытно и комфортно. Естественно, в этих оазисах паслись стада агентов КГБ в штатском. Они кушали, слушали, и выносили все подозрительное...

И вот в один из таких оазисов, в ЦДЛ, т.е. - Центральный Дом Литераторов, мы и являлись. Сержа [Сергея Чудакова, - ред.] пропустили как родного, хотя он ещё не был членом Союза писателей. Мы сели в уютном нижнем буфете, где стены были расписаны осминогами и стихами Евтушенко: "Съезь блюдо из восьми минов, Не мни, что съеден осминог!". Буфет был набит битком, за столами пили, ели и галдели писатели всех мастей. Серж, здороваясь направо и налево, нащёпывал мне на ухо кто есть кто в этом отделе Вавилона.

Инна Кашежева, комсомольская поэтесса, про которую один молодой поэт сочинил двустишие: "Лучше выпить водки литр, Чем <...>!". Вот гениальный поэт-сказитель Коля Трапкин. Вот пьёт коньяк мудрый поэт Давид Самойлов. Вот очаровательный совсем юный поэт-почтальон Леша Заурич. Вот массивный писатель-фантаст, автор знаменитого рассказа "Рог изобилия" Володя Григорьев. Вот любимец старых дев и молодых коммунистов уже знаменитый Женя Евтушенко в переливчатом как жемчужная кожа, наимодежнейшем французском костюме. Вот гениальная, как всеми считалось, и весьма эротичная поэтесса Белочка Ахмадулина, волшебное пьянчужка с первой же рюмки. Вот эксцентричный, талантливый, - но вполне лояльный к режиму поэт Андриуша Вознесенский, с вечным платочком вокруг шеи. Вот и лобастый, только что вышедший из тюрьмы, прозаик Володя Максимов. А рядом с ним - будущий певец "добра с кулаками" Стасик Куняев.

А вот - тайшайший эстет-философ Юра Борева, пронзающий взором подвыпивших окопительных дам. Вот нежнейший поэт-великан Олег Дмитриев, воспевающий старую Москву, пьёт пиво с оземом-фарцовщиком Славой Молодяковым, озабоченным писателем в иностранной шмотке. А вот красавец и талант, самобытнейший Толя Передерев, Есенин нашего поколения, так рано погибший. И рядом - со стаканом водки в руке, только что вышедший из лагеря, Юз Алешковский, чьи строки "Товарищ Сталин, Вы большой учёный! А я простой советский заключённый..." - уже облетели весь СССР... И много ещё удивительных личностей сидело в тесном буфете - и все они обожали Сержу, подбегали, хлопали по плечу, обнимали... Всем было хорошо в этот вечер в нижнем буфете! Очарованный и взволнованный, я заказал бутылку водки с закуской. Быстро налил себе и Сержу, - но он, к моему негодованию, откасался наотрез.

"Звёзды, трезвая беседа, ветер северный с Невы!" - трезвая беседа, Лежа! - Смеясь, отпихивал мою водку Серж. - Я не пью! - И к этому здесь все уже привыкли, Лежа! Я выпил один, и пошёл искать туалет.

А когда вернулся, Сержа за столом не было. - Серёжу потащили в Дубовый зал! - дружелюбно объяснил мне Молодяков. - Туда! Я пошёл по коридору и попал в тот самый знаменитый писательский ресторан - в сказочный двухэтажный Дубовый зал с невероятно высоким потолком, со старинной винтовой лестницей, с гнутыми резными балконами, высокими узкими сине-красно-зелёными витражами в высоких окнах, с невероятной красоты огромной люстрой, уютнейшими столиками с лампами зелёных абажуров по стенам, и старинным фортепьяно в центре зала. Там, за одним из столиков и сидел Серж, и что-то вещал молодому литераторам. Я услышал только конец его вдохновенного монолога:

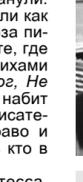
...С Пушкиным умер тот самый чудный русский эмпир, когда французский и нижегородский ещё только начали воевать! Потом убили Лермонтова и кончился русский романтизм... - потом - глухая солдатчина и немота. Разрешили только ноты! - явились композиторы! Потом Некрасов задумался о народе за карточным столом! Потом - эпоха обзлённых различий. Достоевский написал нам "Смердякова", потом "Бесов"... И, наконец, Блок, - считал новых апостолов из матросни! Ему показалось, что их опять двенадцать, и что впереди Иисус Христос! - Чудаков воздел руки. - Но их было не двенадцать! - а 100 миллионов. Они изрубили всех попов, сожгли все церкви, сожгли библиотеку Блока, убили царя, - и стали грызть

семечки у граммофонов... И - голод, голод! И - ГУЛАГ! Дальше всё известно.

Чудаков увидел меня и крикнул: - Лежа, сюда!

Меня посадили, кто-то налил, произнёс тост за здоровье Сержа. А через полчаса мы уже на "Уголке" - в легендарном кафе "Националь", на углу Манежной площади и улицы Горького.

Сегодня уже не объяснить, чем был тот "Националь" для москвичей. Туда, в уютнейший зал с огромными окнами, за которыми совсем рядом через Манежную площадь ярко желтели стены Кремля, истуканы Церетели его ещё не загордели! - с самого утра собиравшие все: изгой и выродки, удачники и неудачники, богатые валютчики и нищие поэты, художники и шлюзы, звёзды искусства всех мастей, валютные проститутки - их, кстати, было в

Олег ОСЕТИНСКИЙ

Москве ещё совсем немного, и они все были очаровательны!

Мы с Сержем влетели в "Националь" к девяти вечера, когда в кафе уже шёл дым коромыслом. Там, за столиком у первого окна сидел великий Утёсов в мятой ковбойке, он пил шампанское и закусывал блинами с икрой - его угощали два молодых валютчика - Ян Рокотов и Семён Файбищенко.

Валютчиками тогда назывались люди, которые догадались скупать валюту у отпетельных иностранцев, налетавших на Москву, чтобы в специальных магазинах "Берёзка" на эту валюту покупать западные продукты, одежду, сигареты и прочее.

Утёсов и валютчики пили шампанское и хохотали, радуясь жизни. Через год Файбищенко и Рокотов были расстреляны... А в конце зала мы увидели широкоплечего карлика, бывшего футболиста, и бывшего знаменитого писателя, автора "Трёх толстяков", Юрия Карлыча Олешу в компании очень юных девиц - первой стайки московских манекенщиц. Как раз в эту минуту Юрий Карлыч мощным баритоном передразнивал-пародировал сидящего через столик от него автора знаменитых тогда исторических романов Льва Никулина. Никулин, пьющий кофе с приличными пожилыми женщинами, перенувшись к Олеше, робко умолял: "Юра, ну не надо! Не надо, Юрочка! Не позорь себя! Вот, Юра, держи - больше не могу, ей-Богу!".

Юрий Карлыч протянул руку и, взяв червонец за уголок, бросил его на свой столик, при этом крича очаровательной метродотельше Мусе, его любовнице, - "Шампанского!". Надо сказать, что червонец - это были большие деньги тогда! Минимум шесть бутылок хорошего шампанского.

Юрий Карлыч сидел ко мне спиной, был очень увлечён своими шикарными девицами, и я хоть и был с ним уже знаком, - решил почему-то удалиться - может быть, застенялся манекенщиц.

Мест в зале уже не было, и Муся посадила нас за маленький служебный столик у входа на кухню. Совсем рядом с нами сидела популярнейшая тогда эстрадная певица Майя Кристалинская. Она тоже пила шампанское со смуглым мрачным человеком с большим шрамом на лбу. Это был Виктор Ракитин, настоящий бандит и настоящий убийца, отсидевший в тюрьме уже двенадцать лет. Кристалинская смотрела на него покорно обожающим взглядом. Через четыре года Ракитина убоют в тюрьме при попытке к бегству, а сейчас он, сняв шикарный номер-люкс в гостинице "Националь", крутит там роман с Кристалинской, иногда спускаясь вниз, в кафе, чтобы его увидели.

А за другим столиком рядом известный художник Игнн подливал коньячку миниатюрному худенькому еврейчику, легендарному поэту Михаилу Аркадьевичу, обязательнейшему Светлову, который за три дня до смерти написал пронзительные строчки: "Вот меня уже почёмом, как селедку луком, окружают".

Игнн машет Чудакову. Мы садимся за столик, Серёжа рассказывает Игнну и Светлову что-то смешное, Светлов молча слушает, полукривя глаза, я заказываю коньяк, и мы пьём его с Михаилом Аркадьевичем, пьём, и ещё пьём, и ещё пьём. (Сколько же этого коньяку мы с ним поели ещё выпьем!) Но сейчас мы не об этом.

- Ой, Лежа, уже почти одиннадцать! - вдруг кричит Серж. Мы опаздываем в ДЖ, я должен Васе отдать книжку.

И мы встаём, прыгаем в метро. Одна остановка до Арбатской - и мы уже в ДЖ - Дом журналиста, на углу Тверского бульвара и Калининского проспекта. Тут отшельная жизнь кипит ещё громче. Безумные идеи, смелые выкрики витают в воздухе. Серж быстро находит только что прославившегося своей повестью "Коллеги" Василия Аксёнова, уже пьяного, отдаёт ему книжку Розанова. И тут в холл врывается Евгений Евтушенко, он прямо из ЦДЛ, в расстёгнутом плаще. Аксёнов хлопает Сержу по плечу и вместе с Евтушенко куда-то удаляется. А мы с Сержем - уже в другой компании.

...Через час, выйдя в журналистский дворик, присутствуем при знаменитом разговоре Аксёнова и Евтушенко. Они, в расстёгнутых плащах, с багровыми от коньяка лицами, пошатываясь и держась друг за друга, громко делят портфель в будущем правительстве!

- Вася, нет, ты будешь министром культуры! - кричит Евтушенко Аксёнову.

- Нет! - шатаясь, размахивает пальцем перед его носом Аксёнов. - Нет! Ты будешь мини-

стром культуры, а я - министром печати! Они обнимаются, хохочут, толкаются, чуть не дерутся вдруг... - и толпа молодых, старых завистливо наблюдает за двумя корифеями отпели.

Мы с Сержем тоже наблюдаем эту сцену, эту битву титанов комсомольской отпеленной эпохи... И, как ни странно, молчим. Наконец, Евтушенко и Аксёнов прыгают в такси - каждый в своё, и исчезают. А мы вместе с другими, спорящими до хрипоты бойцами-алкоголиками, отправляемся вверх по бульвару, на Пушкинскую площадь, в ночную легенду Москвы - ресторан ВТО... - театральный ресторан на углу Пушкинской площади и улицы Горького. Попасть в "ВТО", не актёры и не режиссёры, было тогда совершенно невозможно, не помогали никакие писательские или журналистские удостоверения, стальной швейцар Дима был практически непродохшим.

Но... крупные купюры на него действовали. И вот мы с Сержем уже в "ВТО" - опять среди великих! Например, мы сразу нарываемся на действительно великого единственного трагического актёра СССР тех лет Семёна Григорьевича Соколовского - с его могучим голосом и сияющей седойной. Он читает Маяковского - но как! Он пьёт водку - но как красиво, как величаво!..

А ресторан уже заполняется возбуждёнными актёрами и весёлыми актрисами московских театров, всегда забегавшими сюда после спектаклей, - в него уже переселились многие знаменитости из ЦДЛ, шум и веселье нарастают, звенят бокалы, кто-то поёт, кто-то декламирует, кто-то обнимается, официантки носят, как угорелые... Но время летит, и вот уже Балочку Ахмадулину, что-то невнятно лепечущую, выносят из зала на руках, а великий трагик Семён Соколовский уже бьёт кого-то по лицу, а совсем молодой ещё Володя Высоцкий в своём углу, обещанный поклонниками, уже хрипит что-то совсем блатное про "восемь бед - один ответ"...

И вот наконец шум стихает, зал пустеет, усталые официантки зевают. Молодой художник-реставратор (и, естественно, торговец иконами!) Серёжа Богословский тащит нас к своему столу, там хмельные актрисы просят Сержу почитать стихи, он читает, я пью ещё больше водки...

Из "ВТО" мы выходим где-то в пол-второго. Метро уже закрыто, такси поймать невозможно - помните стихи Высоцкого: "В такси не сидят!". Последний троллейбус исчезает в тумане. Мы решаем идти пешком, но какой-то актёр, не помню уж какой, сажает нас в свой старый "ЗИМ", уже битком набитый молодёжью, и мчит нас - домой, - но мы ещё не желаем домой, и вылезаем в самом начале Кутузковского проспекта, и заходим в высотную гостиницу "Украина", где только что открылся первый в Москве ночной валютный бар для иностранцев и избранных персон. Там, среди иностранцев, проститутки и фарцовщиков, я встречаю знакомых киношников. И, выпив кофе, чтобы взбодриться неизвестно для чего, мы вдруг принимаем безумное решение - отправиться поест в круглосуточный ресторан аэропорта "Внуково". Там поют цыгане, я пью, спорю до хрипоты - и в итоге с кем-то дерусь, потом мирюсь и снова пью... - короче, напился как положено! А Серж всё это время сидит в холле на кушетке, - и читает какую-то сверхнаучную книжку и пьёт только чай. И - не курит!

А когда в пять утра мы снова оказываемся

на родной "Кутузковке" у двери моего подъезда, Серж вручает мне несколько ресторанных салфеток - на них - карандашные строчки. Этим салфеткам, магазинных чехов и квитанций у меня скопилось потом целая куча, но - всё как всегда куда-то исчезало, подматывалось, выгребалось, значения им не придавалось... Помяну вот - "Шли конвойцы вчетвером, бравые молодчики. А в такси мосье Харон ставил ноль на счётчике". Или - "Люди у метро Охотный Ряд не по-русски вроде говорят"... Или - "проживая на Куусинена, лошади едят овес и сено"...

Я, шатаюсь, целую Сержа, как-то добираюсь до своей квартиры, мама, грустно вздыхая, помогает мне раздеться - я падаю в постель, и всё улпывает куда-то, угасающее сознание стыдит меня: опять напился, свинья, - а ведь сегодня вечером должен быть в храме! А ведь завтра Пасха! Благодаря Пасхе я хорошо запомил дату! Это было 17-го апреля 1960 года.

Прогулка по Москве. Оазисы

Она читает Маяковского - но как! Он пьёт водку - но как красиво, как величаво!..

А ресторан уже заполняется возбуждёнными актёрами и весёлыми актрисами московских театров, всегда забегавшими сюда после спектаклей, - в него уже переселились многие знаменитости из ЦДЛ, шум и веселье нарастают, звенят бокалы, кто-то поёт, кто-то декламирует, кто-то обнимается, официантки носят, как угорелые... Но время летит, и вот уже Балочку Ахмадулину, что-то невнятно лепечущую, выносят из зала на руках, а великий трагик Семён Соколовский уже бьёт кого-то по лицу, а совсем молодой ещё Володя Высоцкий в своём углу, обещанный поклонниками, уже хрипит что-то совсем блатное про "восемь бед - один ответ"...

И вот наконец шум стихает, зал пустеет, усталые официантки зевают. Молодой художник-реставратор (и, естественно, торговец иконами!) Серёжа Богословский тащит нас к своему столу, там хмельные актрисы просят Сержу почитать стихи, он читает, я пью ещё больше водки...

Из "ВТО" мы выходим где-то в пол-второго. Метро уже закрыто, такси поймать невозможно - помните стихи Высоцкого: "В такси не сидят!". Последний троллейбус исчезает в тумане. Мы решаем идти пешком, но какой-то актёр, не помню уж какой, сажает нас в свой старый "ЗИМ", уже битком набитый молодёжью, и мчит нас - домой, - но мы ещё не желаем домой, и вылезаем в самом начале Кутузковского проспекта, и заходим в высотную гостиницу "Украина", где только что открылся первый в Москве ночной валютный бар для иностранцев и избранных персон. Там, среди иностранцев, проститутки и фарцовщиков, я встречаю знакомых киношников. И, выпив кофе, чтобы взбодриться неизвестно для чего, мы вдруг принимаем безумное решение - отправиться поест в круглосуточный ресторан аэропорта "Внуково". Там поют цыгане, я пью, спорю до хрипоты - и в итоге с кем-то дерусь, потом мирюсь и снова пью... - короче, напился как положено! А Серж всё это время сидит в холле на кушетке, - и читает какую-то сверхнаучную книжку и пьёт только чай. И - не курит!

А когда в пять утра мы снова оказываемся

на родной "Кутузковке" у двери моего подъезда, Серж вручает мне несколько ресторанных салфеток - на них - карандашные строчки. Этим салфеткам, магазинных чехов и квитанций у меня скопилось потом целая куча, но - всё как всегда куда-то исчезало, подматывалось, выгребалось, значения им не придавалось... Помяну вот - "Шли конвойцы вчетвером, бравые молодчики. А в такси мосье Харон ставил ноль на счётчике". Или - "Люди у метро Охотный Ряд не по-русски вроде говорят"... Или - "проживая на Куусинена, лошади едят овес и сено"...

Я, шатаюсь, целую Сержа, как-то добираюсь до своей квартиры, мама, грустно вздыхая, помогает мне раздеться - я падаю в постель, и всё улпывает куда-то, угасающее сознание стыдит меня: опять напился, свинья, - а ведь сегодня вечером должен быть в храме! А ведь завтра Пасха! Благодаря Пасхе я хорошо запомил дату! Это было 17-го апреля 1960 года.

Похороны ПАСТЕРНАКА

А через несколько дней очень рано утром раздался звонок - нет, не Сержа! - а знаменитого безубого эстета Кости Орлова - того самого Кости Орлова, который, выпивая на троих бутылку водки, бросал её обязательно в урну, приговаривая "всё должно быть эстетично!". Шепелява, он крикнул в трубку: "Олежка, умер Борис Леонидович Пастернак!". Он повесил трубку, а я онемел - я только что прочел стихи из "Доктора Живаго!".

И 30-го апреля недобитые интеллигенты всех мастей и возрастов мчались на электричках с Киевского вокзала в Перedelкино, на похороны. Милиция и чекисты в штатском было море - но, очевидно, было дано указание никому не убивать, не бить - и даже не арестовывать. И потому даже самые страстные и трагические надгробные речи договаривались до конца, иногда очень вызывающего - спасибо отпелели!

Интернета тогда ещё не было, мобильных телефонов тоже, в советских газетах о смерти Пастернака не сообщалось ничего, и Серж, конечно, в своём Сухими ничего не знал. Я хотел дать ему телеграмму, но не знал адреса.

После похорон мы, куча молодых поэтов и диссидентов, поехали на Большую Бронную в тот дом, где когда-то снимали квартиру Есенин с Мариенгофом, и где им грела постели молодая пухлая машинистка... - к чудной смешной поэтессе, у которой в двух крошечных комнатах на 6-ом этаже переночевала вся московская поэтическая и диссидентская богема - иногда по очереди, а иногда и все вместе! - Ирине Нагишиной. И... началось! Как известно, самым искренним из застольных воодушевлений является скорбь по поводу ушедших друзей. О. Боже, какие на этой тризне произошли тосты! Какие искренние слёзы лились! Какой пафос царил за столом!

Нежнейший поэт и утончённейший филолог Женя Лебедев сообщил, что "Пастернак мечтал умереть на праздник Преображения, 6 августа по старому. Он видел смысл поэзии в Преображении земного хаоса - в осмысленном послании к Христу!".

- А как Борис Леонидович рыдал на похоронах Маяковского, - задумчиво сказал кто-то. - Есть хроника, я видел...

- Да, Борис Леонидович последний в этом ряду - Маяковский, Мандельштам, Цветаева! - Да, последний! - И единственный, кто из них умер своей смертью в своей постели.

- Ребят, - обижено сказал Костя Орлов, - вы забыли Анну Андреевну Ахматову, она открыла новое, совсем нового гениального стихотворца! - Иосифа Бродского - и он как раз, по-

моему, родился 30-го мая.

- Вот оно - чудо! Понимаете - Пастернак умер - родился Бродский!

- Да, да, я слышал... кстати, все наши студенты с филфака пьют его какой-то роман! - Рождественский! - воскликнула Ирина. - Да, да, он очень в Питере популярен, я знаю его подругу... но день рождения у него не 30-го - а 24-го. Зуб даю! Вот эта моя подруга говорила, что они в день рождения ездили на Финский залив, 25-го мая. - Ирина вдруг хлопнула себя по лбу: - Братцы, подождите! Это ведь... это ведь Серёжа Чудаков родился 30-го мая! Я точно помню 25-го мая! Протясящая! Ребята! Вы подумайте - умер Пастернак - родился Чудаков! - это же знак!

Мы все, открыв рот, замолчали. Помолчали и снова загалдели, завопили, потянулись к бутылкам и рюмкам.

И тут - вдруг! - уж поверьте! - в нашу тесную, битком набитую клетушку вихрем впрыгнул, ворвался, ввинтился весёлый, шумный заргорелый Серж - с рюкзакном и огромной бутылкой тёмно-крас